
Глава 29

Чи Нин, свято веривший, что творит беспредел по прямому монаршему соизволению, получил желаемое ещё до начала пятого отборочного тура — знаменитого «выбора трёх». Всё шло точно-в-точь по его плану.

Новый государь не просто потерял голову от любви при первой же встрече с сошедшей с картины красавицей Цзи Цзань — дело приняло куда более серьёзный оборот. Объявили, что наложница понесла.

Эту весть Чи Нин получил из первых рук благодаря Сыту Вану, который без промедления передал её через Вэнь Хуайгу. Само понятие «быстрого определения беременности» оставалось строжайшей тайной, доступной лишь членам правящей династии со времён основания Великой Ци. Метод этот зародился в Обители Сидячего Забытья. Если выражаться проще, тайный способ позволял безошибочно распознать зачатие в самые первые дни — не требовалось ждать месяц-другой, пока опытные лекари Императорского медицинского приказа нащупают у наложницы характерный пульс.

«Любая вещь в поднебесном мире обладает собственной энергией, — пояснил Господин Юань, разбиравшийся в природе подобных явлений лучше любого смертного. — Всё дело лишь в её количестве. Одержимость, к слову, рождается точно так же: угасающая жизнь выплёскивает колоссальный объём чувств, и эта чистая эмоция преобразуется в плотный поток силы, остающийся между небом и землёй».

Как только иссякает энергия, исчезает и сама одержимость.

Чувства действительно обладают осязаемой силой. Самый простой пример: когда человек счастлив, он горы готов свернуть, но стоит ему пасть духом, как силы покидают тело, оставляя лишь пустоту.

В представлении Господина Юаня эти ощущения не были игрой воображения — они существовали физически.

Очевидно, мастера Обители Сидячего Забытья в совершенстве овладели искусством улавливать подобные энергетические колебания. Будь то блуждающая одержимость или священное древо в Храме Бога Бракосочетания — они различали их благодаря особым техникам, и ученикам вовсе не обязательно было обладать истинным духовным зрением. Логично предположить, что тот же метод прекрасно подходил для распознавания зарождающейся жизни. Как только дитя зачинается в утробе, вспыхивает новая искра духа. А аура одного человека и аура двоих слившихся воедино существ излучают совершенно разные волны.

«Великий Родоначалник при помощи этой уловки раз и навсегда исключил малейшую возможность осквернить чистоту императорской крови», — мысленно усмехнулся Чи Нин, привыкший во всём видеть коварные интриги.

Точное время зачатия, сам факт беременности — теперь ничто нельзя было скрыть от проницательного ока престола.

Разумеется, это также позволяло вовремя обезопасить будущую мать, оградив её от любых дворцовых невзгод и случайных падений, способных привести к выкидышу. Шансы на выживание наследников возрастали многократно.

Неудивительно, что Обитель Сидячего Забытья процветала из века в век, хотя её мастера старались держаться на почтительном расстоянии от престола.

Пока в их руках оставались ключи к этой тайне, императорский род Вэнь ни за что бы от них не отказался.

Для Родоначалника династии, поднявшегося из самых низов и не слишком верившего в сказки о божественном происхождении Сынов Неба, Обитель Сидячего Забытья была просто палатой непревзойдённых лекарей, понимающих женскую природу. В такой прагматичной логике всё вставало на свои места.

Разве Секта Небесного Писания или Храм Бога Бракосочетания могли дать стопроцентную гарантию, что правителю не наставят рога? Разумеется, нет.

А недооценивать мужское тщеславие и ревность в подобных вопросах — глупейшая из ошибок.

Поистине мелочное, мрачное собственничество.

Чи Нин давно догадывался, что мастера Обители Сидячего Забытья обладают подлинным могуществом. Однако лишь теперь он осознал, что их величайший дар растрачивался на столь постыдные дворцовые тайны. Истинно говорят: из-за неотёсанности Родоначалника великие таланты использовались не по назначению. Видимо, поэтому Обитель упорно отказывалась открывать своё представительство в столице — при одном воспоминании о неотёсанном императоре у старейшин, верно, до сих пор щемило в груди.

«Погоди-ка... — Чи Нин вдруг вспомнил о недавних слухах, поползших из внутренних покоев дворца. — Если так, то визит учеников Обители в столицу приобретает весьма любопытный оборот. Неужели императрица действительно беременна?»

Обитель Сидячего Забытья не имела храмов в Юнцзи, а её послушники редко переступали порог столичных врат. Однако в Дирекции императорских храмов хранился особый артефакт для распознавания зачатия. Его требовалось регулярно обновлять, для чего евнухи Дирекции

раз за разом пускались в дальний путь, преодолевая тысячи ли, дабы доставить священный предмет во дворец.

Императрица должна была узнать о своём положении первой... Зачем же ей тогда тайно призывать придворных лекарей, вызывая столько лишних толков и подозрений?

«Императрица Лю и вправду носит дитя?» — вновь спросил Чи Нин.

«Вправду», — подтвердил Господин Юань. Ошибиться в таком он просто не мог.

Так какие же тайны скрывают запертые двери Дворца Обители Феникса, где обитает государыня? Чи Нин сощурил глаза. Любопытство буквально сжигало его изнутри.

Впрочем, сейчас на кону стояли Цзи Цзань и её нерождённый младенец.

«Кого она носит: мальчика или девочку?» — поинтересовался Чи Нин.

«Она не беременна», — сухо отозвался Господин Юань, который уже сам начинал подозревать, что его божественные силы расходятся на сущую ерунду.

«Что?! — Чи Нин едва не поперхнулся. — Как это — не беременна? А что тогда обнаружили умельцы из Обители?»

Господин Юань и сам находил эту ситуацию презабавной.

«Не знаю, на какую хитрость пошла эта девица, но ей каким-то образом удалось провести технику Обители Сидячего Забытья», — честно признался он.

Чи Нин быстро взял себя в руки и принялся рассуждать:

«Дерзкий шаг, крайне рискованный. Однако она умудрилась попасть в самое уязвимое место нового императора. Теперь он сделает всё возможное, чтобы поскорее забрать её во дворец — и сделать это чин по чину, не нарушая приличий».

Новый император, столь радеющий о соблюдении ритуалов, ни за что не допустил бы, чтобы его первенец считался незаконнорождённым бастардом, прижитым на стороне.

А сама Цзи Цзань...

Собственно говоря, пальцем о палец не ударила.

Всё произошедшее оказалось лишь чередой восхитительных совпадений.

Когда евнух Шан Эр преподнёс её государю, Цзи Цзань прекрасно понимала, к чему всё идёт, и была к этому готова. Трезво оценив невзрачность обитательниц императорского гарема и свои собственные выдающиеся внешние данные, она избрала единственно верный путь — образ обольстительной искусительницы. Умение ублажать мужчину самыми изысканными способами должно было стать её главным оружием в борьбе за влияние.

Император, привыкший к пресным дворцовым добродетелям и едва не превратившийся в благочестивого монаха, внезапно получил доступ к изысканным плотским наслаждениям. Разумеется, он не устоял перед соблазном.

Цзи Цзань, конечно, мечтала как можно скорее понести от государя, чтобы укрепить своё положение во дворце.

Но даже она не ожидала, что всё произойдёт с такой головокружительной скоростью.

Проведя с ней всего одну бурную ночь, император, некогда кичившийся своей безупречной нравственностью и строгим следованием этикету, внезапно обнаружил, что за пределами его пресного мирка существуют иные удовольствия. Людские пороки имеют свойство множиться: единожды преступив черту, человек неизбежно делает это снова и снова. Тот, кто однажды пожертвовал принципами ради заветного трона, больше не находил внутренние преграды столь уж нерушимыми.

Границы дозволенного стирались с каждым новым компромиссом со своей совестью.

Вот и сейчас государь прекрасно понимал, что тонет в греховной страсти, но совладать с собой не мог. Да и к чему эти глупые ограничения? Он — владыка Поднебесной, в чьих руках сосредоточены несметные богатства. Какая беда в том, чтобы побаловать себя ласками женщины? В их великой державе гарем никогда не имел реального веса в государственных делах, так чего же ему опасаться?

Чи Нин, пристально следивший за каждым шагом правителя, понимал: за этим внезапным порывом скрывалось обыкновенное отчаяние. Бесконечные споры при дворе о посмертном титуле для его покойной матери вконец измотали государя. Ему требовалась передышка, забвение в нежных объятиях.

Цзи Цзань явилась подобно яркому пламени, разжегшему в его душе те низменные желания, которые рано или поздно всё равно прорвались бы наружу.

Именно тогда во дворец прибыли ученики Обители Сидячего Забвения во главе с Сыту Ваном. Их пути пересеклись с облачённой в алые шелка, белокожей Цзи Цзань.

Будучи чужой душой в этом теле, Цзи Цзань изо всех сил старалась избегать встреч с даосами, панически боясь разоблачения. Однако всё, что выходило из рук Господина Юаня, отличалось безупречным качеством. Никто не заподозрил подмены. Зато случилось непредвиденное...

Один любопытный юный ученик Обители, проходя мимо, внимательно взгляделся в лицо Цзи Цзань и удивлённо охнул, мгновенно приковав к ней всеобщее внимание.

Избыток божественной силы Господина Юаня в сочетании с тем, что в теле Цзи Цзань действительно уживались две сути — брeнная плоть и чужеродный дух, — сыграл злую шутку с чуткими приборами даосов. Измерения показали присутствие двух жизней.

Так бедняжка и оказалась в положении — сама того не ведая.

По расчётам Господина Юаня, полное слияние души Цзи Цзань с плотью должно было завершиться за полгода, после чего она стала бы обычным человеком без малейших изъянов.

Кто же знал, что на сцену так не вовремя ворвутся ученики Обители?

Цзи Цзань и не подозревала о столь поразительном умении даосов безошибочно определять беременность. Решив, что юнец — обыкновенный шарлатан или подосланный соперницами соглядатай, она едва не разрыдалась на глазах у императора.

Государь поспешил утешить испуганную красавицу. Её замешательство и искренний испуг показались ему невероятно милыми, наполнив сердце нежностью. Он-то знал наверняка: до вчерашней ночи девица оставалась чиста, а значит, ребёнок мог быть только от него. Поразительная точность — с первой же попытки!

Император страстно желал наследников, ведь мужская линия в его роду по какой-то неведомой причине угасала. Ни покойный император Тяньхэ, ни Сиятельный князь Цзин, ни он сам не могли похвастаться многочисленным потомством. Почти все рождённые от наложниц сыновья умирали во младенчестве. Он искренне мечтал о большой семье.

Чтобы защитить права будущего наследника и оградить его от косых взглядов, следовало немедленно ввести Цзи Цзань во дворец законной супругой.

Однако слуги, желая выслужиться, развернули слишком бурные поиски «красавицы с картины» по всей столице. Выдать её теперь за неизвестную служанку, случайно удостоившуюся монаршего ложа, было невозможно. Требовался иной, куда более убедительный повод.

Именно к этому Чи Нин и вёл свою хитрую игру. Ему нужно было поставить императора в безвыходное положение: заставить его любой ценой желать союза с Цзи Цзань, лишив возможности сделать это по-тихому. Лишь тогда затеянный отбор невест для княжеского

наследника окажется единственным спасительным выходом.

Оставалось лишь найти благовидный предлог, чтобы превратить отбор невест для наследника в императорские смотрины.

Чи Нин давно просчитал этот ход, заодно выбрав и жертв для сокрушительного удара.

Но даже самые идеальные планы порой рушатся под натиском непредвиденных обстоятельств.

Той же ночью разразилась жуткая буря. Тучный Сиятельный князь Цзин, бледный от ярости и горя, примчался к запертым воротам дворца и, несмотря на поздний час, потребовал немедленной аудиенции, опустившись на колени прямо под проливным дождём.

Император, лишившийся сна из-за обуревавших его чувств к ненаглядной наложнице, приказал впустить брата.

Едва переступив порог, Сиятельный князь Цзин рухнул на колени и забился лбом о каменный пол:

— Ничтожный упустил сына из-под надзора! Умоляю, Ваше Величество, прикажите забить этого негодяя до смерти!

Слухи твердили, что молодого наследника Вэнь Хуайгу отец уже успел избить до полусмерти.

— О чём ты говоришь, старший брат? — встревожился император. Несмотря на глухую неприязнь к Сиятельному князю Цзину, нарушать видимость семейного согласия он не желал, всячески выказывая заботу о его единственном сыне Вэнь Хуайгу. Попытавшись поднять брата с колен, он быстро понял, что тот упёрся намертво — грузный князь словно врос в землю. — Хуайгу ещё совсем юн. Какую бы глупость он ни совершил, всё можно исправить наставлением.

Радовался ли император чужой беде в глубине души? Пожалуй, об этом знал лишь он сам. Будь ты хоть трижды мудр, Сиятельный князь Цзин, но твой непутёвый отпрыск сумел в один миг растоптать всю твою гордость.

Истинно говорят: дети — это долги из прошлых жизней.

— Не горячись так, брат мой, — вкрадчиво произнёс государь, сгорая от нетерпения. — Расскажи спокойно, что натворил Хуайгу?

— Он... он... — На полном лице князя отразилась целая буря чувств: отчаяние, стыд и глубокая скорбь. Зрелище было поистине жалким. Сделав несколько судорожных вдохов, он наконец

выдавил: — Он отказывается от наречённой! Ему не нужна супруга!

Лицо императора по-прежнему выражало сочувствие, но внутри него всё сковал ледяной холод. «Вот оно что, — подумал он. — А я-то гадал, отчего брат так безропотно согласился на мои смотрины. Выждал, пока я устрою весь этот шум, чтобы в самый последний момент заявить об отказе! Каков стервец!»

— Но почему же он противится браку? — ласково спросил государь, скрывая раздражение под маской заботливого дяди.

Сиятельный князь Цзин побледнел ещё сильнее, словно последующие слова давались ему с невероятным трудом.

Император держал брата за локоть и чувствовал, как бешено бьётся его пульс. Сомнений не было: князь не разыгрывал комедию, его действительно колотила крупная дрожь. Что же могло так подкосить грозного владыку Шу?

— Этот мерзавец... он связался с мужчинами! Твердит, что женится только на мужеложце! — выплюнул князь, готовый, казалось, саморучно растерзать собственную плоть и кровь.

Император лишился дара речи от изумления. Подобного исхода он ожидать никак не мог. Однако, поразмыслив, понял: для Сиятельного князя Цзина беспутство наследника означало крах рода, но для престола это было благословением небес! Разве сможет князь с таким позорным преемником претендовать на императорскую корону? Да ни в жизнь!

Неблагодарный сын — воистину худшее из проклятий.

Едва сдерживая ликование, император готов был возблагодарить Небеса за столь щедрый подарок. Самый опасный узел распутался сам собой.

— Неужели у него уже есть кто-то на примете? — как можно мягче спросил государь, изо всех сил подавляя желание сию же минуту сосватать племяннику какого-нибудь смазливой юнца.
— Я разделяю твой гнев, брат, но... он ведь твоя единственная опора.

Слова императора немного успокоили князя. В его глазах, затуманенных слезами, блеснула слабая надежда. Всё верно: это дитя — плод их любви с покойной супругой.

— Я хорошо знаю Хуайгу, — вкрадчиво продолжал государь, прикидываясь бескорыстным ходатаем. — Он послушный и преданный сын. Не сочти мои слова за дерзость, брат, но разве не счастья для своих детей мы желаем превыше всего? Если ему суждено обрести покой лишь в таком союзе, стоит ли ломать ему жизнь?

— Если бы это была обычная блажь, я бы слова не сказал! — покачал головой Сиятельный

князь Цзин. — Пусть бы женился, оставил законное потомство, а там — делай что хочешь на стороне! Но мой сын не таков...

Он знал характер Хуайгу: тот унаследовал отцовское упрямство. В любви этот мальчик не потерпел бы фальши. Если уж отдаст сердце, то одному человеку и на всю жизнь.

Снаружи бушевал ураган, крупные капли дождя нещадно колотили по черепице дворца. Тучный князь содрогался от беззвучных рыданий, не в силах сдержать нахлынувшее горе. Слёзы катились по его постаревшему лицу.

Он чувствовал себя виноватым перед ушедшей супругой.

В эту ночь император проявил редкое великодушие. Он без устали утешал брата, и на какой-то миг им обоим показалось, будто они вернулись в беззаботное детство. Тогда, при жизни строгого императора Су, строго соблюдавшего деление на законных наследников и побочных сыновей, никто из них даже помыслить не смел о борьбе за власть. Не имея причин для зависти и вражды, они были просто братьями.

Государем овладело непривычное умиротворение. Ему и самому претило вечное противостояние.

— Наш Хуайгу упрямством пошёл в тебя, старший брат, — мягко произнёс он. — Но подумай сам: разве два любящих мужа — это приговор? Династия Вэнь знавала немало странностей. Одно время даже поговаривали, будто одна из наших принцесс пожелала взять в жёны девушку. Указа, конечно, не последовало, но они так и прожили свой век вдвоём, не зная иных союзов. Наследников же всегда можно усыновить из боковых ветвей.

— Такой союз непременно вызовет пересуды при дворе, но императорская воля превыше досужих сплетен, — продолжал правитель, разыгрывая роль любящего дяди. — Если ты опасаешься позора, я возьму весь гнев чиновников на себя. Объявлю о высочайшем благословении, кем бы ни был избранник Хуайгу. Пусть их верность послужит примером.

Но главное крылось в ином: скандальный брак отвлечёт внимание советников от опостылевшего вопроса о посмертных почестях для его покойной матери.

Император убеждался, что это решение принесёт ему колоссальную выгоду при нулевых потерях.

— Ваше Величество! — Сиятельный князь Цзин потрясённо уставился на брата, словно видел его впервые в жизни. — Хуайгу действительно ослеплён страстью. Если бы я сегодня лично не застал их...

«Ого», — мысленно усмехнулся государь. Сам познав прелесть тайных свиданий, он легко

представил, при каких обстоятельствах суровый отец мог застукать молодых людей. Да уж, юность не знает удержки.

— Его избранник — Сыту Ван! — наконец выдохнул князь.

— А, Сыту Ван... Что?! — Император едва не подпрыгнул на месте. Сердце ухнуло куда-то в пятки. Кем был Сыту Ван для могущественного клана генералов, правитель знал превосходно. Но слово не воробей — поспешно данное обещание теперь нельзя было забрать назад без потери лица.

Государя начали терзать смутные сомнения. Неужели хитрый князь Цзин подстроил эту ловушку? Выдумал нелепую сказку о мужской любви, чтобы заключить тайный союз с влиятельным генеральским родом Сыту?

Но это казалось безумием. Сыту Ван — единственный наследник великого полководца. Стал бы старый вояка жертвовать продолжением рода ради политических интриг?

Неужели это и впрямь... чистая, безумная страсть?

В мучительных раздумьях прошла оставшая часть ночи.

К рассвету государь принял твёрдое решение: правду ли говорит брат или лжёт, указу о помолвке — быть! Причём объявить о ней следовало со всей возможной помпезностью, чтобы каждый подданный в Поднебесной узнал о союзе двух единственных наследников великих фамилий. Если это была интрига, то официальный брак свяжет заговорщиков по рукам и ногам, лишив малейшей возможности отыграть всё назад.

«Раз уж вы твердите о неземной любви, так живите вместе до гробовой доски!» — злорадно подумал император.

Однако на утреннем приёме государь взглянул на брата и обомлел: за одну только ночь виски Сиятельного князя Цзина покрыла густая проседь. Разыграть подобное не под силу ни одному лицедею в мире. «Если это притворство, — мелькнуло в голове правителя, — то я готов признать своё поражение».

Благодаря невольной помощи брата, император получил идеальную возможность разрешить и затянувшийся вопрос с отбором невест.

Ведь изначально эти смотрины устраивались именно для княжеского наследника.

Кто же знал, что этот раскалённый уголь в итоге вернётся в его собственные руки? Просто отменить отбор невест означало проявить слабость и непоследовательность. Но если продолжить смотрины и сосватать какую-нибудь бедняжку Вэнь Хуайгу в наложницы, это

станет прямым оскорблением для могущественного рода Сыту. Генералы такого позора не потерпят и мигом поднимут мятеж.

В этот день при государе неотлучно находился евнух Ма Гуан. Человек хитрый и пронырливый, он давно питал лютую ненависть к Чи Нину, видя в нём главного соперника в борьбе за пост Директора Восточного притвора. Стоило императору в нерешительности спросить его мнения, как у Ма Гуана уже был готов идеальный план.

Точнее, он разработал его задолго до этого разговора.

— Ничтожный слуга слышал от Чжоу Хайвы... — вкрадчиво начал евнух.

Обычно при разговоре с монархом евнухи именовали себя либо «слугами престола», либо «ничтожными рабами». Чи Нин, едва получив официальный чин, неизменно выбирал первое, поскольку видел в себе прежде всего человека и лишь потом — подданного короны. Однако при дворе хватало и подлиз, готовых на любое унижение ради милости господина. Евнух Ма относился именно к таким — слово «раб» слетало с его уст с поразительной легкостью.

Евнух Ма красочно расписал государю предложение, которое изначально подсказал ему Чжоу Хайва. Сам Ма Гуан слабо смыслил в делах Дирекции дворцового хозяйства, поэтому во всём полагался на советы своего прихвостня.

Тщательно обдумав замысел Чжоу Хайвы, Ма Гуан преподнёс его императору в самом выгодном свете. Схема была проста: объявить во всеуслышание, будто Чи Нин проявил некомпетентность и перепутал высочайшие указы. Якобы изначально планировался отбор наложниц для императорского гарема, а не невест для княжеского сына. При таком раскладе Цзи Цзань можно было без лишнего шума включить в список претенденток перед самым «выбором трёх». Это позволяло ввести её во дворец на вполне законных основаниях. А наследник князя Цзина, получив благословение на брак со своим ненаглядным генеральским сыном, точно не станет поднимать шум. Идеальный ход — одним выстрелом убить двух зайцев.

— Пострадает в этом деле лишь Господин Чи, — сокрушённо вздохнул евнух Ма. — Однако верный слуга Вашего Величества наверняка сочтёт за честь претерпеть временные невзгоды ради спокойствия своего государя.

Хитрый евнух расставил ловушку безупречно: согласится Чи Нин взять вину на себя — значит, так тому и быть; откажется — прослывет изменником.

В любом случае заслуги Чи Нина сводились на нет, а сам он оказывался под ударом. А разве может человек, уличённый в халатности или неблагодарности, претендовать на пост всемогущего Директора Восточного притвора?

В этом и заключалась изысканная подлость замысла Ма Гуана.

И Чи Нин искренне радовался, что соперник заглотил наживку.

Ибо...

Император, вечно разрываемый между желанием соблюсти внешние приличия и жаждой потакать собственным прихотям, благосклонно выслушал план, но решил переделать его по своему.

Его «гениальная» задумка состояла в том, чтобы не винить Чи Нина попусту. Вместо этого следовало сперва пустить слух о греховной связи Вэнь Хуайгу и Сыту Вана, а затем великодушно благословить этот союз. Пусть все увидят: государь не пытается унижить почтенные роды, он лишь уступает мольбам влюблённых юнцов.

А чтобы позорная тайна не выплыла наружу, отбор невест для наследника князя пришлось спешно переделать под нужды императорского гарема.

Иными словами, государь, будучи главным выгодоприобретателем этой интриги, умудрился выставить себя невинной жертвой обстоятельств — точь-в-точь как во время своего восхождения на трон. Он настолько свыкся с маской непогрешимого праведника, что уже не мог действовать иначе.

Ещё до начала «выбора трёх» все приготовления завершились с поистине имперской быстротой.

Весть о непотребной страсти княжеского наследника и генеральского сына вмиг облетела Юнцзи, затмив собой любые другие новости. Цзи Цзань без лишнего шума внесли в списки кандидатов. Прочие девицы также получили известие: вместо скромного удела княжеских наложниц им предстояло бороться за право войти во внутренние покои самого Сына Неба — заманчивая перемена участи!

Чи Нин, приложивший руку к этой суматохе, смиренно ждал вызова у входа во дворец.

«Похоже, император пока остался в выигрыше, — заметил Господин Юань. — Одним махом избавился от двух опасных соперников и замял споры о титуле для матери».

«Это ненадолго», — мысленно отозвался Чи Нин, с самым кротким видом застыв в тени массивной колонны.

Неутомимый интриган уже успел отправить верных людей к влиятельному клану Чэнь — родственникам императора по материнской линии. Действуя якобы от имени Чжоу Хайвы, он тонко намекнул им, что все эти сложные махинации затеяны лишь ради того, чтобы ввести во дворец безродную потаскуху.

Умные чиновники при дворе, конечно, разгадают истинные мотивы государя и решат, что он лишь спасает честь племянника.

Но как посмотрит на это простой люд? И как отреагирует недалёкий клан Чэнь? «Ах ты негодник Вэнь Кэ! — закричат они. — Ради плотских утех с девкой ты готов наплевать на сыновний долг и лишить покойную мать законных почестей?! Да в тебе не осталось ни капли человечности!»

«Остаётся лишь дожидаться, пока взбунтуются Чэни, — предвкушал Чи Нин. Губы его тронула едва заметная, но торжествующая улыбка. Семья Чэнь и без того постоянно донимала императора своими притязаниями, а теперь у них в руках оказался идеальный повод для скандала. — Он думал, что сможет замять дело с посмертным титулом? Ну уж нет, пусть покрутится!»

Но почему выбор пал именно на Чжоу Хайву?

«Ты что, бросал жребий, чтобы выбрать очередную жертву?» — полюбопытствовал Господин Юань.

«Неужели я кажусь вам столь легкомысленным пройдохой, вершащим козни без всякого плана?» — притворно обиделся Чи Нин.

«Именно таким ты и являешься», — отрезал Господин Юань.

<http://bllate.org/book/20385/2185633>